

Здзислав Найдер

Европа Джозефа Конрада

Для Джозефа Конрада – Конрада Коженевского – Европа была прежде всего пространством свободного наследования символов, мифов и идей, корни которых уходили в глубокую древность. Вместе с тем она представляла для него богатство переплетения местных культурных традиций, в котором каждая прядь сохраняет отчетливое своеобразие. В его книгах мы находим сцены, помещенные почти во все уголки Европы: от трущоб, дворцов и заснеженных улиц Санкт-Петербурга до изрезанного побережья Коста-Бравы, от каналов Амстердама до самого Неаполитанского залива. Варшавская Цитадель, элегантные виллы и прекрасно ухоженные бульвары Женевы, гранитные дома бретонских деревушек, лужайки в парках графства Кент, мраморные дворцы Генуи, украшенные террасами здания и тихие переулки западного Лондона, нескончаемые ряды убогих каменных домиков лондонского района Лэмбет, полуострова и заливчики морского побережья возле Тулона, зеленые просторы в устье Темзы, позолоченные здания Брюсселя и ренессансный Большой Рынок Кракова. И все эти места и страны показаны не только в физической форме пейзажа и архитектуры, но и в их действительном окружении и участии в истории, местных обычаях, языке и атмосфере. Он писал о них не только затем, чтобы наслаждаться их *couleurs locales*, но и для представления с их помощью важных и характерных для местных людей тем.

Европа для Конрада – это также большой мир литературы, начиная с греческих классиков. Возможно, он был не слишком прилежным учеником – он прервал учебу в гимназии за год до ее окончания – но нет сомнения, что его краковские и львовские учителя привили ему немалые знания на тему европейского «канона». Эти знания он использовал созна-

тельно, с большим чутьём и оригинальностью. Об этом свидетельствуют хотя бы отзвуки греческой мифологии, легенд об Александре Великом, а также Вергилия и Данте в «Сердце тьмы».

Конрад исключительно хорошо ориентировался во французской литературе, но так же свободно чувствовал себя в польской и английской. В своих книгах он часто ссылается на испанских и итальянских писателей, а также -- на немецких (достаточно вспомнить цитаты из Гете и переключку с Новалисом). И хотя он не выносил Достоевского, скептически относился к Льву Толстому и не принимал всерьез Горького, зато Иван Тургенев, которого он называл писателем «глубоко, всей душой национальным»¹, принадлежал к числу его любимых.

Сам Конрад своеобразным и неповторимым образом являлся писателем трех культур. В хронологическом порядке следует назвать польскую, французскую и английскую, хотя подтвержденное документами влияние отдает первенство французской культуре.

Польский вклад мы обнаруживаем в повторении мотивов верности и измены, а также моральной ответственности за общество, к которому человек принадлежит. То же самое можно сказать о свободном, как бы очевидном обращении к традициям рыцарского этоса, которым была напитана польская дворянская литература. Французское влияние наиболее очевидно в интересе Конрада к механизму таких великих исторических событий, как Французская Революция и наполеоновская эпоха, в роли Жан-Жака Руссо как идеологического противника, в перенятом от Флобера взгляде на роман как на произведение искусства, в почерпнутом из сочинений Анатоля Леруа-Болье суждении о связи между демократией и властью капитала². Англия для Конрада – это море и связанные с морем люди, Шекспир – кладезь литературных мотивов, Диккенс с его несравнимо богатыми картинами английского общества, Лондон как архетип современного столичного города и центра Империи. Ну, и, конечно, превыше всего – английский язык в качестве цемента, связывающего вместе все компоненты произведения.

¹ Предисловие к книге Э. Гарнетта о Тургеневе в томе: *O życiu i literaturze* // J. Conrad, *Dziela*, (red.) Z. Najder, Warszawa 1974, t. XXI, s. 97.

² См. Z. Najder, *Jan Watt's Thoughtfull Conrad*, *Stanford Humanities Review*, vol. 8.1 (spring 2000), p. 126-127.

Я не знаю ни одного современного Конраду писателя, который бы в подобной степени овладел европейским культурным пространством – с трех точек зрения: личного опыта, исторических знаний и интеллектуального исследования.

Примерно в половине его произведений действие происходит в Европе, часто – в нескольких европейских странах в одном и том же романе или рассказе; во Франции чуть чаще, чем на Британских островах. Действие остальных романов и рассказов разворачивается вне Европы, но исключительно с географической точки зрения. Европа все время подвергается наблюдению издалека и остается центром внимания, далеким от идеализации. В оценке заморской роли Европы Конрад был строгим «еврокритиком». Он подчеркивал ханжество и хищную алчность колониалистов, моральное и психологическое поражение цивилизации белого человека при столкновении с полностью отличными культурами. При всем этом его точка зрения осталась европейской – в том смысле, что он судил европейцев по их собственным нормам, в категориях их собственных, европейских идеалов и преступлений, мифов, ошибок и неудач.

Конрадовское видение Европы не заключало в себе ничего связанного с космополитизмом. Он не соединял элементы своих трех культур и таких хорошо ему известных других культур, как итальянская, создавая какую-то однородную смесь, в которой терялись бы индивидуальные черты отдельных составляющих. Европейская традиция представлялась ему ансамблем народных традиций. В качестве эмигранта он был особенно чувствителен к разнице культур, контрасты и конфликты цивилизации представляют в его произведениях, пожалуй, наиболее часто повторяющийся мотив.

Он умел использовать точки зрения различных культур для обогащения своей тематики. Два примера. В «Лорде Джиме», когда практичный англичанин Марлоу признается, что он не в состоянии до конца понять поведение Джима, для выражения своих взглядов приглашаются двое представителей двух других культурных сфер. Первый – это француз, лейтенант флота, в силу своего происхождения и рода деятельности наделенный правом высказываться по вопросам норм поведения, а также Штайн, немецкий романтик, а следовательно, специалист в области как абстрактной философии, так и воображения. Француз начинает с язвительного намека на Жан-Жака Руссо; переиначивая первую фразу «Общест-

венного договора»: „L' homme est n'libre“, он говорит: „L'homme est né poltron“ – «Человек рождается трусом»³.

Когда немец Штайн, мужественный открыватель и благородный человек, высказывает собственное суждение – делая это в форме запутанной метафоры – он также прибегает к цитате из Гете, то есть наиболее знаменитого поэта, творившего на его языке, но Гете – пишущего о другом поэте – Торквато Тассо, меланхоличном певце рыцарской славы. Англо-франко-немецкая троица (с итальянцем на заднем плане) сообща возносит дело Джима на высокую плоскость общественного положения человека в целом.

В романе «В глазах Запада», в котором большая часть действия происходит в Женеве, швейцарское окружение и англичанин, от чьего лица ведется повествование, выступают в роли зеркал, в которых отражается трагическое своеобразие России. В то же время сама Швейцария, а также западноевропейский рассказчик подвергаются саркастическому изучению со стороны Разумова, главного героя романа. А кроме того появляющиеся в романе русские – независимо от того, являются ли они сторонниками или противниками автократии – определены и объединены с национальной точки зрения мрачной диалектикой взаимной смертельной вражды и противопоставлены группе оторванных от своих корней международных профессиональных революционеров.

«В глазах Запада», роман, направленный против автократии, против революции и против Достоевского, является наиболее разительным примером объединения Конрадом литературной тематики с политической. В своих произведениях он затрагивал большинство, если не все главные политические проблемы, существенные для Европы и особенно для Европы: становление наций, демократия и всеобщее избирательное право, автократия по отношению к революции, колониализм, империализм, рабочий класс и профсоюзы, демократия по отношению к власти капитала, теория и практика анархизма, политическая провокация и международный терроризм, злоупотребление властью и законом для защиты существующего общественного и политического устройства. Внушительный список, с содержанием которого немногие современники могли бы конкурировать.

³ J. Conrad, *Lord Jim*, Warszawa 1999, s. 141.

Конрад яўляецца аўтаром чатырох палітычных романаў с еўрапейскім тэматычным ахватам, тры адносяцца к нашаму часу, адзін – к гісторыі. Гэта «Наследнікі» (1901, напісаныя сумесна з Фордам Мэдоксам Фордам), якія расказваюць аб упадку ліберальнага ідэалізму і развіцці твёрдага імперіялізму; вышедшы сем гадоў пазней «Тайны агент», паведавае аб парадку і анархіі, дэмакратыі і падрыхтоўцы сілаў, законе і бяспэчаснасці, аб Англіі і Расіі; затым – «Вачах Запада», аб Расіі, Швейцарыі і ўвогуле Западнай Еўропе, дэспатызме і рэвалюцыі, гістарычным наследдзі і радыкальных тэорыях, аб будучым царскай імперыі і духоўнай беднасці дэмакратыі. Рычард Керл у сваёй рэцэнзій назваў «Вачах Запада» «еўрапейскім романаў». І нарэшце «Ожіданне», апошні і незавершаны роман Конрада, у якім ён гаворыць аб ўплыве Напалеона на нацыянальныя рухавікі ў Італіі і Цэнтральнай Еўропе.

Яшчэ некалькі іншых прыкладаў інтарэсаў Конрада. У «Дуэлі» яму ўдалося не толькі – па яго ўласным словам – «схапіць дух напалеонаўскай эпохі»⁴, але ў тое ж час чаруючым (і забаўным) абразам прадставіць устойлівыя класавыя антаганізмы ў імператарскай арміі. У «Тайным агента» мы бачым Лондан у якасці сучаснай сталіцы, «горада-молаха», «жестокіага пожирателя всего светлого, что есть в мире»⁵, месца абітання безлікай толпы і адзіночкіх асобнасцей і адначасова поля для міжнародных заговораў і провокацый. «Ігра судбы» паказвае тое ж Лондан як цэнтр фінансавога моцы і спекуляцыі, і ў тое ж самае час прадставіць актуальную праблематыку барацьбы за раўнапраўе жанчын. У «Корсарэ» Конрад апісвае жасцікасці Вялікай Рэвалюцыі, а такжэ настроенія новага французскага патрыятызма.

Ітак, падводзя ітог, мы можам ахарактэрызаваць Конрада як еўрапейскага пісателя. І паэтым я ў сваё час высказываў мысль, што калі б Еўрапейскае Саагчэства прысуджала

⁴ Письмо Конрада Алджернону Метьюену, 26 I 1908 // F.R. Karl, L. Davies (eds.), *The Collected Letters of Joseph Conrad* [далее цитируется как CL], Cambridge 1990, vol. IV, p. 29.

⁵ Дж. Конрад, примечание от автора к *Тайному агенту*, (J. Conrad, *Tajny agent*, Warszawa 1999, s. 11).

литературные премии, то Конрад был бы идеальным кандидатом.⁶

Норман Дуглас, многогранный (в нескольких значениях) автор произведений *South Wind* и *Old Calabria*, который хорошо знал Конрада, написал о нем когда-то, что он «был, как большинство поляков, *malgre lui* политиком»⁷. И действительно, политические проблемы являются главным объектом внимания и поставляют основные темы для многих его романов и рассказов, таких как «Ностромо» или «Анархист», а кроме того Конрад написал несколько очерков и много писем политического содержания. Если собрать их вместе, из них получился бы солидный том, брызжащий оригинальными, меткими и зачастую язвительными замечаниями. В качестве автора политических писем Конрад поразил бы не одного читателя непосредственностью мысли и колкостью языка; некоторые из его выражений, такие как «ученая немецкая свинья» или «паршивый русский пес», Жан-Обри, первый издатель писем Конрада⁸, в 1926 году опустил. Наиболее смелый и широкоохватывающий политический очерк Конрада «Автократия и война» первоначально носил название «Европейское согласие» (*The Concord of Europe*). Он написал и опубликовал его в 1905 году. Это эссе, которое можно считать изложением наиболее существенных элементов политических воззрений Конрада, осталось тогда, к разочарованию писателя, почти незамеченным. Автор предсказал в нем следующую и еще более кровавую революцию в России, а также описал причины, которые должны были привести к началу I мировой войны.

В своей ранней книге о Конраде Эдвард Сэд написал, что в конце жизни Конрад «устремлял свою энергию на поддержку пылкого европеизма». Это пронизательное наблюдение, так же, как и замечание, что политические события первых двадцати лет столетия явились причиной того, что Конрад увидел «в развитии политических событий» отражение «личной борьбы»⁹. Однако если (как я постараюсь показать)

⁶ Подробнее я пишу об этом в очерке *Джозеф Конрад как европейский писатель* // *Conrad in Perspective: Essays in Art and Fidelity*, Cambridge 1997 (польский перевод Х. Найдер: *Sztuka i wierność Szkice o twórczości Josepha Conrada*, Opole 2000).

⁷ N. Douglas, *A Plea for Better Manners*, D.M. Law (ed.), London 1955, p. 308.

⁸ Конрад к Хью Клиффорду, 25 I 1919 // G. Jean-Aubry, *Joseph Conrad: Life and Letters* [далее как *LL*], London 1926, т. II, p. 216-217.

⁹ E.W. Said, *Joseph Conrad and the Fiction of Autobiography*, Cambridge, Mass. 1966, p. 18, 75-83.

европейская идея представлялась Конраду возможным разрешением его личных проблем, как внешних, так и внутренних, то мы вначале должны определить, что это были за проблемы и в каких категориях они истолковывались.

Поскольку мы продолжаем воспринимать Конрада как современного писателя и тематика его произведений продолжает оставаться для нас близкой, литературный критик, невнимательный или поддающийся минутной моде, может не обратить внимания на разницу между языком писателя и нашим. Например, Негр с «Нарцисса» был недавно охарактеризован как «вклад поляка в европейскую дискуссию на тему упадка и вырождения, а также в рост (во всей Европе) популярности идеологии национальной солидарности, в которой Конрад убеждает свою приемную мать Британию, идеологии, подчеркивающей безоговорочную преданность солидарности, долгу и тяжелой работе [...] подтверждение принципиально военных ценностей.» Кроме того роман Конрада якобы является вкладом «в европейский, а также британский обмен мнениями, кульминацией которого была восторженная риторика, приветствовавшая начало I мирвой войны»¹⁰.

В ушах тех, кто помнит антивоенные диатрибы Конрада, приведенное здесь мнение Майкла Кейна звучит неожиданно. Через несколько лет после «Негра...» Конрад написал в «Зеркале морей»: «народами планеты правит, главным образом, страх – того рода страх, который при помощи дешевого краснобайства легко превратить в бешенство, ненависть и насилие»¹¹. И хотя он лояльно и убежденно поддерживал Великобританию во время войны, он публично отвергал, а в частных письмах осмеивал «восторженную риторику» шовинистов¹².

Конрад никогда не был связан с каким-либо движением или группировкой и никогда не руководствовался никакой интеллектуальной модой. Это не означает, что нужно считать его чудачком-отшельником – мы должны воспринимать его в категориях современного ему мира. Однако прежде, чем приступить к идеологической интерпретации Негра с «Нарцисса», следует заметить, что главный герой является не

¹⁰ M. Kane, *Insiders/Outsiders: Joseph Conrad's „The Nigger of the ‘Narcissus’” and Bram Stoker's „Dracula”, „The Modern Language Review”, vol. 92 part 1 (Jan. 1997).*

¹¹ J. Conrad, *Zwierciadło morza*, tłum. A. Zagórska, // J. Conrad, *Dzieła*, t. IX, s. 172.

¹² Напр., в письме Кристоферу Сандеману от 15 IX 1917 г. // LL, II, p. 197.

только персонажем, символизирующим тьму и разрушение, но это прежде всего просто человек, старающийся использовать свою болезнь для улучшения собственного положения. Роман представляет собой реалистическое и меткое психологическое и социологическое исследование, показывающее взаимодействие хитрости и страха. Джеймс Уэйт – «негр» – наверняка использует свою болезнь, но чем больше он ее использует, тем больше он приближает свою смерть.

В идеологических категориях, применяемым Майклом Кейном к «Негру...», основным посылом романа следует признать то, что ее чернокожий герой, несмотря на ту разрушительную роль, которую он играет, после повреждения судна штормом оказывается справедливо спасенным, благодаря бескорыстным усилиям команды. И это спасительное проявление человеческой солидарности, не зависящей от цвета кожи Уэйта, является существенной составляющей нравственного подведения итогов романа: «Разве мы, плававшие все вместе по бессмертному морю не добыли смысл из наших ужасных жизней? [...] Вы были хорошей командой»¹³.

Возвращаясь к основной теме, спросим: каковы же были для Конрада принципиальные точки отсчета?

Во-первых, польский вопрос. Сегодня, после выхода в свет томов профессора Нормана Дейвиса, моего выдающегося предшественника¹⁴, мы можем писать об этом без опасения, что к нам отнесутся как к маньякам, опасения, преследовавшего Конрада в течение большей части его писательской жизни. Напомним, что он написал на первой странице «Князя Романа»: польский народ «не столько живет, сколько влачит существование»¹⁵. Сегодня мы можем открыто сказать, что разделы Польши были в европейской истории последнего тысячелетия чем-то совершенно исключительным. Никогда – ни до этого, ни после – большое государство с почти непрерывной восьмисотлетней исторической преемственностью, с богатой и развитой культурой не было подвергнуто разделу и лишено возможности восстановления. Очередные неудачные

¹³ J. Conrad, *Murzyn z „Narcyza”*, przeł. B. Zieliński // J. Conrad, *Dzieła*, t. III, s. 197.

¹⁴ Статья представляет собой развернутый вариант лекции, прочитанной автором 1 июля 1997 года в Посольстве Польши в Лондоне в цикле лекций под названием *The European Lectures at the Polish Embassy*.

¹⁵ J. Conrad, *Opowieści zastyszane*, przeł. H. Carroll-Najder // J. Conrad, *Dzieła*, t. XXIV, s. 47.

восстания, казалось, навсегда сделались своего рода клеймом на судьбе Польши. В середине девятнадцатого века этот скандал стал общепринятым фактом, составной частью обычной европейской сцены – в Англии, возможно, даже в большей степени, чем на континенте. Очередные британские правители привыкли рассматривать «польскую проблему» через призму собственного принципа «равновесия сил». Ведь это именно виконт Каслри был на Венском Конгрессе главным поборником закрепления раздела Польши. Действительно, равновесие сил в Центральной Европе зависело от сохранения раздела Польши, поскольку три империи (каждая из них превосходившая Польшу своей мощью), принимавшие участие в разделе, были связаны глубоким антагонизмом и в то же самое время – общностью интересов. Конрад, лояльный подданный Британской Короны, отдавал себе в этом отчет и должен был жить с этим сознанием. Кроме того он хорошо знал, что правительство Великобритании еще в 1920 году было совершенно равнодушно к возрождению независимой Польши, если не противно ему!

В этом заключалась первая дилемма Конрада: как найти место Польше в будущей Европе? Как думать о собственной родине иначе, нежели в категориях трагедии?

Другая его проблема относилась к нациям. Он неоднократно говорил, что «национальный темперамент [...] – это, пожалуй, единственное, на что можно положиться». В 1917 году, во время войны, он написал: «Величайшим действующим лицом времени, в котором мы жили, является сам Народ, la Nation»¹⁶. И добавлял к этому: «в простых вопросах жизни и смерти народ всегда лучше своих правителей, поскольку народ как целое не способен приходить в надуманное настроение восхищения какой-нибудь доктриной или чрезмерного восторга по поводу собственной изобретательности»¹⁷. А ведь это нации – хотя и склоненные к этому – воевали между собой, оставаясь верными каждой своему «темпераменту». Неужели они обречены на вечные конфликты?

На дилемму Конрада накладываются наши собственные трудности, связанные с постижением некоторых понятий. Как определить его позицию? Был ли он «националистом», как его

¹⁶ К Сиднею Колвину, [21 IV 1917] // J. Conrad, *Listy*, opr. Z. Najder, przeł. H. Carroll-Najder [далее как *Listy*], Warszawa 1969, s. 365.

¹⁷ J. Conrad, *Zbrodnia rozbiorów*, przeł. H. Carroll-Najder // J. Conrad, *Dziela*, t. XXVIII, Warszawa 1996, s. 55.

иногда называют? Аполло Коженевского, отца Конрада, англо-саксонская критика, как правило, относит к националистам, хотя – будучи польским патриотом – он был в то же время исключительно доброжелательно настроен по отношению к украинским национальным устремлениям. В 1941 году крупный голландский историк Йохан Хейсинга жаловался: «В то время, когда голландский язык делает отчётливое различие между понятиями *nationaal besef* [национальное самосознание в значении своеобразия], *nationaliteitsgevoel* [чувство национальной принадлежности] и *nationaal bewustzijn* [национальное сознание в значении содержания] с одной стороны и *nationalisme* - с другой стороны, англичане пользуются для обозначения их всех только одним словом *nationalism*»¹⁸. Несколько лет спустя Джордж Оруэлл пытался ввести чёткое различие между национализмом и патриотизмом¹⁹. Тщетно. Особенно под влиянием американских авторов, для которых всё, что пахнет «народом», является национализмом, а тем самым принимает оттенок агрессивных ассоциаций, сегодня каждый, кто пишет в положительных категориях о нации, кажется подозрительным.

Я не заметил, чтобы сам Конрад хоть раз употребил слово «национализм». Когда он говорил о национальном духе или темпераменте (или о «темпераменте расы», совершенно не имея в виду «расы» хотя бы в отдаленно расистском толковании), это относилось к национальному самосознанию. А когда он писал о любви к родине, то имел в виду патриотизм, согласный с определениями Хейсинги и Оруэлла. Следует отметить, что ни «пруссачество», представленное в качестве врага в «Автократии и войне», ни подвергнутый в другом месте острой критике «германизм», на удивление, не представлены в национальных категориях, а лишь описаны при помощи своих последствий.

Третью проблему являет собой сама Европа. Каковы были ее равноправные составляющие? От первоначального названия «Европейское согласие» Конрад, по моему мнению, отказался, главным образом, потому, что сам европейский охват казался ему проблематичным. Географические критерии не являются достаточными. В «Автократии и войне» Конрад настаивает на том, что Россию нельзя относить к кругу европейских держав. Будучи тиранией, она не имеет права высказываться по

¹⁸ J. Huizinga, *Men and Ideas*, New York 1959.

¹⁹ G. Orwell, *Notes on Nationalism* [1945], // *The Collected Essays, Journalism and Letters*, London 1970, vol. III, p. 411–413.

вопросам международного сосуществования, как она делала это после 1815 года²⁰. Четырнадцать лет спустя в очерке «Преступные разделы» он поддержал эту аргументацию замечанием о том, что Россия начала «играть важную роль в Европе» только благодаря участию в разделах Польши. (На случай, если бы кто-либо заподозрил Конрада в типичном для поляков антироссийском предубеждении, напомним, что Карл Маркс также выводил Россию за пределы Европы.)

Россия была удобно расположена с краю. Но другая разрушительная сила, Германия, находится в самом центре континента. Ввиду ее неоспоримо огромного вклада в европейское интеллектуальное и художественное наследие, трудно было бы обойти Германию. И поэтому во время первой мировой войны и непосредственно после нее Конрад подменял идею Европы образом «Запада», с Францией и Англией в качестве стержня. «Запад» просто-напросто означал Западную и Центральную Европу (с Польшей как «плацдармом или «форпостом Запада») – но без Германии²¹. Таким образом Конрад повторял характерный польский маневр обхода Германии стороной и связи Польши с далее лежащим Западом. Это был политически обоснованный, но вместе с тем искусственный маневр, поскольку польско-немецкие культурные отношения были близкими в течение многих веков и с течением времени, а особенно в XIX веке, наступило значительное этническое взаимопроникновение обеих наций.

Кристофер ГоГуилт в недавно вышедшей книге на тему «открытия Запада» Конрадом также рассматривает причины, по которым Конрад заменил «Европу» «Западом». Он помещает эту замену в широком контексте идеологии, которая обосновывала «западную» позицию превосходства и господства над «другими», как бы их ни определяли²². Но ГоГуилт не замечает, что в политических сочинениях Конрада идеи Европы и Запада предназначены для внутреннего пользования, а не являются идеологическим щитом. А что еще важнее, как «Европа», так и «Запад» означают для Конрада нормы и обязательства, а не полномочия.

²⁰ J. Conrad, *Dziela*, t. XXVIII, s. 29.

²¹ Ср. его тексты *Zbrodnia rozbiorów* (Преступные разделы) и *Nota w sprawie polskiej* (Примечание к Польскому вопросу), там же, s. 45-71.

²² C. GoGwilt, *The Invention of the West: Joseph Conrad and the Double-Mapping of Europe and Empire*, Stanford 1995.

Это отчетливо видно в том, каким образом Конрад представляет и в романах, и в публицистических высказываниях роль Европы в заморских странах. Среди писателей своего поколения он занимал по отношению к этой роли исключительно и однозначно скептическую позицию. Он был одним из наиболее безжалостных критиков «цивилизаторской миссии» (или «бремени») белого человека. Стоит, например, заметить, что хотя Курц, архетипический «сверхчеловек» из «Сердца тьмы» является служащим бельгийской колониальной фирмы, он представлен в качестве общеевропейского гибрида: «Вся Европа участвовала в создании Курца». В письме Роджеру Кейсменту от 1903 года Конрад охарактеризовал империалистические зверства в Африке как «измену европейским принципам»²³.

В известном и несколько отчаянном эссе нигерийский писатель Чинуа Акебе обвинил Конрада в расистской ксенофобии, поскольку он не представил в «Сердце тьмы» какого-либо африканского сообщества²⁴. Это недоразумение. Как Марлоу в своем рассказе, так и Конрад в качестве автора просто воспроизводят то, каким образом большинство современных европейцев воспринимало Африку: как охотничью территорию, как пространство для эксплуатации. Чернокожие были инвентарем, а тот факт, что они создавали собственные, загадочные сообщества (символом которых явился прекрасный образ негритянки в «Сердце тьмы»), приводил лишь к тому, что в глазах колониалистов они становились еще менее похожими на людей. Но ведь весь смысл повествования Конрада заключается в том, чтобы показать, что негры – это люди, хотя с иным цветом кожи, обычаями и языком.

Вернемся к затруднительным для Конрада политическим проблемам: к ним относилось еще сопоставление Европы с Великобританией. Он написал Роджеру Кейсменту, что в свое время «на попечении Англии была совесть Европы», когда она добивалась отмены рабства. «Однако теперь, - продолжал он, - мы, как видно, слишком заняты другими делами». Когда однажды в письме к своей польской кузине он противопоставил

²³ Письмо от 21 XIII 1903, // *Listy Conrada do Rogera D. Casementa*, opr. Z. Najder, „*Twórczość*”, 1978, nr 8.

²⁴ C. Achebe, *An image of Africa Racizm in Conrad's Heart of Darkness*, первая публикация в „*Massachusetts Review*”, 1977, No 18, большое число перепечаток, напр. в томе J. Conrad, *Heart of Darkness*, R. Kimbrough (ed.), New York-London 1988.

Англии «завистливую Европу», он делал это на зыбкой почве защиты своей приемной родины, в частном письме, до критики, которую вызвала на европейском континенте англо-бурская война²⁵.

Таким образом Конрад всегда был лояльным подданным Британской Короны. Но ему никогда не удалось, и я сомневаюсь, что он действительно пытался, полностью отождествиться с британской точкой зрения на международные вопросы. Несмотря на спорадические заявления, он никогда полностью не одобрял ни британскую колониальную политику, ни англо-бурскую войну; не поддавался он и воинственной истерии во время первой мировой войны. Он, как я уже упоминал, осознавал британскую традицию рассматривания континентальных склонностей и стремлений в инструментальных категориях желанного равновесия сил.

И поэтому в «Автократии и войне», так же как и в других, более коротких политических очерках, он едва упоминает об Англии, и то мимоходом. Разрываемый между лояльностью и искренностью, Конрад чаще всего старался обойти противоречивые вопросы.

Так как же Конрад понимал Европу, глядя на нее с политической точки зрения? Он видел в ней потенциальную и желанную совокупность, состоящую из отдельных частей. Процитированный им отчаянный крик Адольфа Тьера „Il n’y a plus d’Europe“ носил характер не приговора, но предостережения, которое дало ему возможность указать на причины современной ему слабости Европы. „Il n’y a plus d’Europe“ – есть лишь вооруженный, торгующий континент, где экономическое соревнование потихоньку превращается в борьбу не на жизнь, а на смерть и где открыто провозглашаются всемирные притязания». Иными словами, он с необычайной ясностью видел, что другую, альтернативную Европу необходимо «строить на более прочных, нежели материальные интересы, фундаментах»²⁶.

Той другой Европе придется также преодолеть противоречия партикулярных интересов. Он говорил о «недостаточности» Европы в конце XVIII века в смысле невозможности справиться с вызовом, который бросала история. И, как бы опережая наши сегодняшние трудности с поддержанием мира на Балканах, он в 1912 году высказывал мысль о создании

²⁵ К Анеле Загурской, 25 XII 1899 // *Listy*, s. 171.

²⁶ J. Conrad, *Dziela*, t. XXVIII, s. 33, 37.

совместного европейского протектората для автономного Константинополя.

Намеченная в «Автократии и войне» идея Европы «без границ» восходит к середине XIX века, к соратникам Штайна (коллекционера бабочек в «Лорде Джиме»), к руководителям движения «Молодая Европа» во главе с Джузеппе Маззини, о котором Конрад, несомненно, слышал от отца. Такое видение объединенной Европы выдвигалось демократами. Но позиция Конрада по отношению к демократии была недоверчивой; та, по его мнению, верила в «превосходство материальных интересов»²⁷. И хотя он добивался, чтобы политика оценивалась в соответствии с моральными нормами, он вместе с тем был скептически настроен по отношению к всяческим высокопарным формулам политического идеализма. Он отдавал себе отчет в том, что благородные принципы не являются достаточным основанием для международного сотрудничества, он видел, что «общие идеи» не были до того времени в состоянии удержать «ни один из народов Запада от того, чтобы поддаться очарованию материальной выгоды»²⁸. Эта фраза звучит как современный призыв к созданию надгосударственных учреждений.

Иллюзий у него было немного: даже когда Германию удержали «благодаря более твердой политике и большей решительности» от участия в I мировой войне, по его мнению, было «трудно сказать», «какое состояние духа воцарилось бы в Европе» несколько лет спустя. «Вероятно, появились бы какие-то другие излишки: чрезмерное теоретизирование или непомерная сентиментальность, или гипертрофированное чувство безопасности, которое привело бы к какой-нибудь иной катастрофе»²⁹. А когда он писал менее чем за десять лет до начала I мировой войны, он хорошо сознавал, что тогдашний ход событий полностью противоречил принципу европейской «солидарности», за который он ратовал: Европу заставили отойти от этой цели империалистические притязания конкурирующих между собой военных держав, прежде всего Пруссии. Лишь через четверть века после смерти Конрада, после катаклизма второй, еще более разруши-

²⁷ *Zwierciadło morza* // J. Conrad, *Dziela*, t. IX, s. 173.

²⁸ *Autokracja i wojna* // там же, s. 172.

²⁹ *Zbrodnia rozbiorów* // там же, s. 55.

тельной немецкой агрессии, проблема места Германии в Европе была решена.

Несмотря ни на что, в «Автократии и войне» Конрад смело ратовал за идею «европейской солидарности», являющейся «необходимым шагом на пути к достижению Согласия и Справедливости», и называл эту солидарность «единственной возможной целью нашего прогресса».

Поскольку Конрад придавал большое значение «национальному сознанию», его видение Европы было, вероятно, пользуясь современной терминологией, видением *Europe des patries* – согласно формулировке, приписываемой, впрочем, неверно, Шарлю де Голлю. Конрад отдавал себе отчет в том, что сосуществование столь многих наций и культур должно повлечь за собой огромные трудности. Одновременно сознательная сила этих цивилизаций создавала надежду. Италия могла служить примером того, что богатство национальных традиций не обязательно ведет к навязыванию их другим, Англия обнаруживала здоровое соединение терпимости с любопытством, Польша пережила в сердцах и мыслях поляков 123 года государственного небытия, живучесть французской культуры превозмогла бедствия, которые навлекли на нее революции и вражеские нашествия.

Что особенно поражает при попытке представить мысли Конрада на тему Европы – так то, как близки они нашим современным категориям. В то время, когда видение «европейского согласия» указывало Конраду на решение и его личных проблем, которые я перечислил, оно не представляло собой моментальную и надежную предохранительную меру. Это было согласие как цель, а не как запечатанный трактат. Скептически настроенный по отношению к человеческой природе, Конрад не был склонен к оптимизму в восприятии каких-либо человеческих начинаний. Я думаю, что он видел Европу в политических категориях в качестве огромного проекта, требующего гигантских усилий и постоянной бдительности. Как обязательство, возложенное на нас и прошлым, и будущим. Как постоянный вызов: чтобы общими усилиями хранить и приумножать все те ценности, которые были обретены в одиночку или даже в конфликте, и объединять эти достижения и стремления в многоголосый хор.

И поэтому я думаю, что Конрад принял бы общие принципы, сформулированные в 1803 году его сородичем

князем Адамом Чарторыским, одним из наиболее преданных поборников идеи объединенной Европы в XIX веке: «Если мы хотим продвигаться вперед, мы должны иметь в поле зрения цель, к которой мы стремимся. Чтобы всегда идти вперед, мы должны уметь находить цели, которые никогда не будут достигнуты»³⁰.

И с перспективы почти ста лет не кажется случайностью то, что одним из наиболее близких польских друзей Конрада был, начиная с 1912 года, Юзеф Иероним Ретингер. Это он убедил писателя совершить поездку в Польшу в 1914 году. Это он передал ему позднее материалы для очерков о «Польском вопросе» и «Преступных разделах». И это он после 1947 года – через двадцать три года после кончины Конрада – стал одним из наиболее активных деятелей Европейского Движения, заложивших фундамент под нынешнее Европейское Сообщество.

С польского перевела Х. Найдер

Статья: *Europa Josepha Conrada* из журнала „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, t. 1, nr 1(1), 2001, – С. 181-194.

³⁰ М. Kukiel, *Czartoryski and European Unity: 1770-1861*, Princeton 1955, p. 31.